

Присутствующие были людьми искушёнными, им доводилось видеть всяких распутных и непутёвых отпрысков. Но, занимая высокое положение, они привыкли, что даже самые отъявленные бездельники в их присутствии не смеют проявлять свою наглость. То, чего они не видели в собственных домах, сегодня предстало перед ними в императорском кабинете.

Трое старейшин невольно посмотрели на Цзи Су, восседавшего на троне.

Цзи Су смотрел на Цзи Вэйцю.

Цзи Вэйцю скривил губы, всем своим видом показывая, что если Цзи Су сегодня не вмешается, он устроит такой скандал... Ну, может, и не дойдёт до крайностей, но вечером им предстояло ужинать во дворце вдовствующей императрицы, и кто тогда сможет удержать его язык за зубами?

— Канцлер Ван, — ровным, лишённым эмоций голосом произнёс Цзи Су.

Он лишь назвал его по титулу, но все присутствующие поняли скрытое в этом предупреждение. Канцлер Ван замер, затем встал и, сложив руки, произнёс:

— Я был невежлив.

— И-и, — недовольно протянул Цзи Вэйцю, словно говоря: «И это всё?». Цзи Су бросил на него лёгкий, предостерегающий взгляд.

Но Цзи Вэйцю был недоволен. Он собирался немного посидеть и уйти под предлогом переодеться, но канцлер Ван его раззадорил. Он остался до конца совещания и всё это время сверлил канцлера презрительным взглядом. Что бы тот ни говорил, он смотрел на него с выражением «и это всё?».

В итоге, вопрос с засухой в Цзяннани решили по старинке: кого надо — казнить, кого надо — сослать, раздать зерно и семена, чтобы успокоить народ, а тех, кто уже покинул свои дома, уговорить вернуться. Выбрали надёжного человека, чтобы он всем этим занялся.

Конечно, выбор этого человека, вероятно, и был главной целью сегодняшней борьбы в Кабинете. Ведь помощь при бедствии — это большая заслуга, лакомый кусок для любого.

Но Цзи Вэйцю не понимал, зачем было обсуждать это в императорском кабинете. Не то чтобы дело было неважным, но для него уже существовал определённый порядок действий. Нужно было просто следовать правилам, а хорошо ли всё получится, зависело от местных условий, и сейчас этого было не предугадать. Раз уж в итоге всё равно решили действовать по правилам, почему нельзя было сразу начать обсуждать, кого послать? Разве время у всех не дорого?

Совещание закончилось. Цзи Су велел Цзи Вэйцю остаться, а трое старейшин удалились. Цзи Су повёл Цзи Вэйцю обратно в Дворец Ясного Покоя. Тот не возражал и шёл за ним, пиная ногами камешки. Он был из тех, кто не может пройти мимо цветка, не сорвав его. По дороге он то срывал цветок и теребил его в руках, то пинал траву у обочины, то срывал листья с веток.

Цзи Су шёл, невозмутимо глядя перед собой, словно ничего не замечая. Пройдя так некоторое время, Цзи Вэйцю почувствовал, что напряжение спало. Увидев перед собой высокую спину Цзи Су, он вдруг осмелел. Сорвав большую зелёную хризантему размером с чашу, он подошёл к Цзи Су и с глуповатой улыбкой сказал:

— Брат-император!

— М-м? — из горла Цзи Су вырвался вопросительный звук.

Цзи Вэйцю поднял руку, показывая цветок.

— Хризантемы во дворце так хорошо цветут. Я сорвал несколько, чтобы отнести матушке, пусть украсит ими причёску. Брат-император, не хочешь тоже украсить себя цветком?

Мужчины, украшавшие себя цветами, не были редкостью, и у этого обычая были разные значения. Зелёная хризантема, один из «четырёх благородных», символизировала чистоту и благородство. Цзи Су не должен был отказаться.

Цзи Су бросил на него равнодушный взгляд и слегка склонил голову. Цзи Вэйцю, увидев это, прикрепил большую зелёную хризантему ему за ухо. Цзи Су поправил выбившиеся пряди и опустил глаза.

Цзи Вэйцю выбрал большую зелёную хризантему в шутку, но, увидев её на брате, на мгновение замер. Лишь когда Цзи Су слегка повёл бровью, он очнулся и глуповато похвалил:

— ...Брат-император, вы несравненно прекрасны.

Цзи Су сделал вид, что не расслышал. Он слегка приподнял руку, и Цзинси подал ему поднос со свежесрезанными хризантемами всех цветов радуги. Цзи Су на мгновение задумался, затем его тонкие белые пальцы взяли цветок сорта «Пурпурный дракон, лежащий в снегу» и прикрепили его за ухо Цзи Вэйцю.

— Государь так хорошо выбрал, — с улыбкой сказал Цзинси. — Этот цветок как раз подходит маленькому князю.

Для утреннего приёма Цзи Вэйцю надел тёмно-фиолетовое придворное облачение, которое могли носить лишь чиновники первого и высшего рангов. В Дворце Великого Предела он переоделся в повседневную одежду, и Сяо Чжо, чтобы не ошибиться, выбрал для него тоже

тёмно-фиолетовый наряд, который как нельзя лучше сочетался с цветком.

В солнечном свете лицо юноши было ослепительно красивым. Цзи Су, глядя на него, подумал, что это тоже своего рода редкое зрелище.

— Благодарю, брат-император, — опустив глаза, произнёс Цзи Вэйцю.

Они медленно пошли дальше.

— Ты сегодня что-нибудь понял? — спросил Цзи Су.

— Понял, — подумав, язвительно ответил Цзи Вэйцю. — Это было похоже на то, как старые женщины на Перекрестке Западного рынка, покупая овощи, сплетничают о соседях.

И на утреннем приёме, и в императорском кабинете — всё было примерно одинаково.

Цзи Су не сразу ответил. Цзи Вэйцю уже хотел было съязвить: «Не хочешь говорить — не спрашивай», но тут до него дошло, что он, кажется, и Цзи Су оскорбил.

Он почувствовал неловкость, но тут же решил, что ничего страшного. Если Цзи Су решит, что он и его оскорбил, ну, отругает его ещё раз. Не в первый же раз!

Но Цзи Су спросил:

— Почему ты так говоришь?

Цзи Вэйцю не стал притворяться дураком. Он и так ничего в этом не понимал, а притворяться было бы слишком фальшиво, и Цзи Су легко бы его раскусил.

— Кабинет ведь для того и создан, чтобы экономить время и силы брата-императора, верно? Я не хочу сказать ничего плохого о трёх старейшинах, но прежде чем перейти к делу, они сначала произносят кучу пустых слов... Я посчитал, эти пустые слова заняли не меньше времени, чем горит одна палочка благовоний.

В императорском кабинете они пробыли чуть больше получаса, и половину этого времени потратили на пустую болтовню.

— Подойди сюда, — сказал Цзи Су.

Цзи Вэйцю поднял голову и увидел, что они уже пришли в Дворец Ясного Покоя. Цзи Су, не обращая на него внимания, пошёл умываться и переодеваться. Цзи Вэйцю не стал отставать и,

как у себя дома, направился в боковой кабинет, чтобы тоже привести себя в порядок. Он был не так привередлив, просто вытерся влажным полотенцем. Управившись, он хотел было лечь поспать, но вспомнил, что Цзи Су велел ему подойти, и с вздохом поплёлся обратно.

Цзи Су в главном зале не было. Слуги, ничего не скрывая, сказали, что он пошёл принимать ванну. Цзи Вэйцю подумал, что чистоплотность Цзи Су не знает границ. Утром принимать ванну — додумался же! Он поленился возвращаться в боковой кабинет и устроился в алькове.

Чтобы Цзи Су, вернувшись и не найдя его, не подумал, что он не слушается, и снова не начал его донимать.

Цзи Вэйцю очень хотелось спать. Сегодня он проспал меньше двух часов. Он хотел было просто прикрыть глаза, но, едва лёг на кушетку, как его одолела сонливость. Он даже не успел пикнуть, как уснул, и даже тихонько захрапел.

Когда Цзи Су вернулся, он увидел такую картину: Цзи Вэйцю, обняв подушку, лежал на боку, а тонкое одеяло было сброшено в сторону, лишь уголком прикрывая его поясницу.

Цзи Су спокойно сел на край кровати и коснулся его шеи. Ладонь ощутила жар. Он нахмурился, потрогал лоб Цзи Вэйцю. Убедившись, что температура в норме, он убрал руку.

Цзинси хотел было подойти и поправить одеяло, но Цзи Су жестом велел ему удалиться. Цзинси поклонился и вышел. Едва Цзи Су коснулся одеяла, как Цзи Вэйцю что-то пробормотал и, молниеносно схватив его за запястье, сонно обернулся. Увидев, что это он, он отпустил его руку.

— М-м... — Цзи Вэйцю издал какой-то звук, то ли в ответ, то ли зовя «брат». Он попытался встать, но Цзи Су положил руку ему на плечо.

— Спи.

Цзи Вэйцю тут же снова упал в подушки и крепко уснул.

Цзи Су лёг рядом с ним и закрыл глаза. Не успел он уснуть, как почувствовал шевеление. Рука Цзи Вэйцю легла ему на пояс. Цзи Су открыл глаза и увидел, что тот перевернулся. Подушка, которую он только что обнимал, была забыта, и теперь он обнимал его, как подушку.

Спал Цзи Вэйцю, как всегда, беспокойно.

Видя, что тот больше не двигается, Цзи Су поленился его отталкивать и снова закрыл глаза.

***

Цзи Вэйцю спал на удивление сладко. Проснувшись, он почувствовал себя отдохнувшим. Он крепче обнял подушку и уткнулся в неё носом.

Знакомый аромат проник в его ноздри. Цзи Вэйцю жадно вдохнул. «Какой приятный запах, — подумал он, — надо будет попросить у Цзинси немного для своего кабинета». Он, не открывая глаз, ещё теснее прижался к подушке. Вдруг он услышал какой-то звук. Он замер, прислушался.

Тук, тук, тук...

Сердцебиение?

Он резко поднял голову и увидел, что рядом с ним спит Цзи Су. Они лежали так близко, что почти касались друг друга, а он обнимал Цзи Су, как подушку.

Он опустил глаза. «Неудивительно, — подумал он, — что "подушка" стала длиннее...». Хорошо, что Цзи Су ещё не проснулся, иначе было бы так неловко, что хоть сквозь землю провались.

Цзи Вэйцю осторожно убрал руку, отодвинул ногу, которой касался Цзи Су, и наконец-то «отделился» от «подушки».

Фух... как опасно.

Цзи Вэйцю вздохнул с облегчением. Не то чтобы он никогда не спал с Цзи Су в одной кровати, но так близко — никогда. Он мысленно обругал себя за безрассудство. Зная, что Цзи Су его не прогонит, как он мог уснуть в алькове? Если уж спать, то на кушетке! Зачем было ложиться в кровать!

Цзи Су всё ещё спал.

Цзи Вэйцю тихонько выглянул наружу. Сквозь занавеси пробивался свет. Солнце светило ярко, должно быть, был уже день. Хорошо, значит, он проспал чуть больше двух часов.

Поняв это, он успокоился. Он снова лёг и стал разглядывать Цзи Су. Их матушка когда-то была первой красавицей Южной Чжу, и даже сейчас, в свои пятьдесят, она всё ещё была прекрасна. Цзи Су унаследовал её красоту, а высокое положение придало ему властности, которая затмевала его внешность.

Цзи Вэйцю вспомнил, как впервые увидел Цзи Су. Он принял его за девочку. Тогда он думал, что первым делом, чтобы угодить покойному императору, нужно научиться говорить «отец-император», а вторым — «сестра».

А сестра оказалась братом.

При этой мысли Цзи Вэйцю беззвучно рассмеялся.

...В детстве всё было так забавно. А когда вырастаешь, становишься не таким милым.

Цзи Вэйцю долго смотрел на него, а потом осторожно встал и перелез через него.

Наверное, он очень устал и не заметил, но теперь, встав, он почувствовал, что весь взмок.

Слуг в алькове не было. Одежда Цзи Вэйцю висела сбоку. Он снял влажную нижнюю рубашку и накинул свежую.

<http://bllate.org/book/16115/1588799>